

ЮРИЙ КОВАЛЬ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

*ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА В НОВЕЛЛАХ
И ОЧЕРКАХ,
В ПИСЬМАХ
И ВОСПОМИНАНИЯХ
ЕЕ СОВРЕМЕННИКОВ*

Юрий Никифорович Коваль
Память сердца. Великая
Отечественная Война
в новеллах и очерках, в
письмах и воспоминаниях
её современников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503019
ISBN 9785448535413

Аннотация

В сборник «Память сердца» вошли небольшая повесть о военном детстве, новеллы, очерки о Героях Советского Союза, Герое Социалистического Труда и полном кавалере орденов Славы. Особую ценность (как документ эпохи) имеют включенные в сборник непричесанные воспоминания работников военного (закрытого) завода, письма выпускников школы, погибших на фронтах Второй мировой...

Содержание

ПАМЯТЬ СЕРДЦА	5
Вместо предисловия. Урок истории	5
В августе 42-го	10
Вас не забыли, Клавдия Ильинична!	14
Голос Левитана	17
Хлеб пропал: запахло поркой...	19
Бандероль из ровеньков	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Память сердца
Великая Отечественная
Война в новеллах и
очерках, в письмах
и воспоминаниях
её современников**

**Юрий Никифорович
Коваль**

© Юрий Никифорович Коваль, 2017

ISBN 978-5-4485-3541-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Вместо предисловия. Урок истории

Знакомый учитель попросил меня провести в его классе урок истории. Тема: Великая Отечественная война. Я выбрал тыл, Уфу, эвакуацию. Прошло несколько минут, и по лицам моих юных собеседников я догадался, что Вторая мировая для них такая же глубокая древность, как Куликовская битва или война 1812 года. Было очевидно, что для школьников светлейший князь Кутузов и Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Сталин – в одном ряду. Два очень далеких исторических персонажа. Не более того. Я говорил с ребятами, как современник Сталина, но под их взглядами чувствовал себя современником Кутузова, одним словом, ископаемым.

Удивляться тут нечему. Иосиф Виссарионович отбыл на тот свет в 1953 году, а ребятня, с которой я встретился, возвестила миру о своем появлении в 1986-м. И все-таки удивляться есть чему. Передо мной были дети, отравленные скверными учебниками, желтой прессой, циничным, безнравственным телевидением. Первые годы перестройки породили историков-паталогоанатомов и журналистов, которые ради сенсации и красного словца, не моргнув глазом,

предадут отца родного. Они возникли не случайно. Это был ответ на жесточайшую цензуру, всенародное ликование, ложь и ханжество.

Открылись двери государственных хранилищ, документы, считавшиеся до той поры секретными, стали достоянием общественности. И все бы хорошо, но, увы, ревизоры прошлого слишком увлеклись. Одну ложь они заменили другой. В журналах и газетах стали появляться недобросовестные исследования, конъюнктурные статьи, сомнительные разоблачения. Чернуха отметила грязью даже те страницы отечественной истории, которыми мы по праву можем гордиться. Невесть откуда выползли на дневной свет телекомментаторы, которые с завидным упорством и бесстыдством промывают мозги наивным, доверчивым людям, мальчишкам и девчонкам, родившимся на исходе века. Эти «властители души» не признают табу, для них не существует святынь.

Великая Отечественная война – лакомый кусок для разного рода спекулянтов. Каждый перекраивает ее на свой лад. Давняя традиция жива. При советской власти учебники истории переписывались в угоду Генеральным (Первым) секретарям ЦК ВКП (б) – КПСС. Мне в свое время досталась по наследству потрепанная книжка с замаранными сургучом портретами Тухачевского, Блюхера и других героев гражданской войны – врагов народа. Прежде было тягостное единомыслие, теперь утвердился разнузданный плюра-

лизм, что ни учебник, то – откровение. В одном из них я прочитал, что «первым вестником начавшегося перелома во Второй мировой войне стало сражение у атолла Мидуэй в самом центре Тихого океана». Ни большие, ни меньшие.

Зарубежные авторы в своих трудах о Советском Союзе и Второй мировой войне гораздо честнее и объективнее некоторых наших соотечественников. Во всяком случае, им чуждо болезненно плебейское злорадство. Одно из самых неожиданных и емких высказываний о Великой Отечественной войне принадлежит россиянину, который мыслит на уровне желудочно-кишечного тракта. Его перл, точнее, крик души, забываем: «Победила бы Германия, пил бы я сейчас баварское пиво». Вот до какого скотства мы дошли!

Пацаны послевоенных лет знали наизусть, как таблицу умножения, имена выдающихся советских полководцев. Жуков, Конев, Ватутин, Василевский, Рокоссовский, Малиновский, Черняховский. Сейчас в головы мальчишек вколачивают совсем другие имена: Березовский, Гусинский, Мавроди, Япончик, Михась... Герои наших дней – политики и бизнесмены, банкиры, шоумены и киллеры.

А как поживают те, кто одолел фашизм, поднял страну из руин, запустил в космос спутники и корабли – соль нашей земли? Они оказались ненужными, невостребованными. Их привилегии и льготы незначительны, но с этим можно как-то еще мириться. Страшнее другое – чувствовать, сознавать, что в тебе, твоём опыте, твоих чаяниях и мыслях

никто не нуждается, что ты – отработанный материал.

Мне повезло: я был знаком с удивительными людьми, которых не смогли сломить ни ГУЛАГ, ни голод, ни война. Правда, они не знали, что такое брифинг и каков курс доллара, но зато жили в ладу с совестью и не смели пренебречь своей честью и достоинством. Их осталось очень мало, подлинных героев войны и труда. (Какое непривычное, выпавшее из оборота слово – труд – Ю.К.). Как сейчас помню колоритные, точные, по-детски непосредственные рассказы Героя Советского Союза танкиста Матвея Пинского...

2 февраля 2000 года.

Плакат времен Великой Отечественной войны. Художник – Эль Лисицкий.

В августе 42-го

Сегодня весь мир для меня окрасился в один цвет – красный, все звуки слились в один звук – скорбный. Сегодня, 9 мая 1970 года, я прочитал письмо учительницы из Одесской области. Оно адресовано бирским комсомольцам. Обычное письмо – воспоминание участницы Великой Отечественной войны. Но есть в нем такие беспощадные строки, что врезаются в человеческую память сразу, прочно, навсегда. Они преследуют человека, как страшный сон, как кошмар.

Эти строки стирают нюансы и полутона человеческой природы. В хаос и путаницу мира они вносят точность и ясность. Делят весь род людской независимо от вероисповедания и мировоззрения на две половины: людоедов и человекоедов, окрашивают его в два цвета: черный – фашисты, осовцы, расисты, и красный – все те, кто живет, борется и умирает ради мира на нашей беспокойной планете.

Итак, свидетельствует Полина Мазанюк, фронтовая подруга Дуся Русских, девушки из Бирска.

«Вскинула глаза – рядом с биваком стоит Дуся Русских. Одежда на ней вся обгорела и отвалилась, толь-

ко обугленные сапоги на ногах. На голове вместо волос сплошная головешка. Тело все почернело. А она стоит, стиснула что-то в кулаке, прижимая к груди, где только что был карман гимнастерки. Ни стопа, ни крика не вырвалось из ее груди. Только искажившееся лицо говорило о той муке и адской боли, которые испытывала она.

...В кулаке у Дуси вместе с куском гимнастерки был зажат комсомольский билет».

Это случилось в августе 42-го. В Сталинграде. В одной из подразделений частей воздушной обороны. Боец Дуся Русских охраняла Сталинградский тракторный от фашистских стервятников. «То ли от осколков бомб, то ли от трассирующих пуль вспыхнула ее одежда и пламя вмиг охватило ее, – пишет Полина Филипповна Мазанюк. – Мы оказали Дусе первую помощь, потом отправили на машине в госпиталь, но спасти ее не удалось».

С тех пор прошло 26 лет, четверть века. Биряне, пожалуй, обидятся, если их город назовешь провинциальным, захолустным. «А пединститут, поселок нефтяников, пятиэтажные дома по Интернациональной?» – возрадят они.

Четверть века – срок немалый. Вчерашний Бирск славился своими садами, Шамсутдином да Орешником. Купеческий, патриархальный, яблоневый город.

Каких только определений не давали ему. Сегодняшний Бирск – это город нефтеразведчиков, студентов, швей и талантливых умельцев... город Дуся Русских.

Я иду по тихому солнечному Бирску. Под ногами – яблоневый цвет. Навстречу – десятиклассники. Цветы, шутки, смех.

«Одежда на ней вся обгорела... обугленные сапоги на ногах...»

А эта девушка отбилась от своих однокашников. Ей хочется побыть одной. Она остановилась, окунула свое лицо в пахучую сирень и стала искать в ней «счастье». Нашла – и в рот.

«На голове вместо волос сплошная головешка. Тепло все почернело. А она стоит, стиснула что-то в кулаке...»

Вот юная пара, щурясь на весеннем солнце, блаженно уплетает мороженое.

«...Ни стоны, ни крика не вырвалось из ее груди...»

Девчонки и мальчишки 68-го танцуют и смеются, поедают мороженое и сиреневое «счастье», спорят о смысле жизни. В Бирске, Уфе, Москве. Потому что жила на свете Дуся Русских. Ее нет среди нас, но она с нами. Мы обязаны помнить о ней.

...В автобусе «Бирск-Уфа» мальчик, тыча пальцем в окно, недоумевают: «Мам, смотри-ка, вон тот теле-нок почему-то коричневый, а вон тот – белый?» Мать,

пытаясь спасти родительский престиж, что-то спокойно и обстоятельно объясняет сыну.

...Сын повзрослеет. Настанет день, когда он раскроет учебник истории и прочитает название новой главы «Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских захватчиков». Тогда учитель истории и мать расскажут ему, что эта глава писалась кровью тысяч советских людей, кровью бирской комсомолки Дуси Русских.

Вас не забыли, Клавдия Ильинична!

Прошел дождь. Выглянуло умытое солнце. Оно разлилось по всей земле. Заглянуло во двор уфимской фабрики имени 8 Марта. Осветило фигуру скуластой женщины с раскосыми глазами и детей, прижавшихся к ней. Я подошел к этой женщине, вырубленной из белого камня, прочитал: «Бесстрашной партизанке Клавдии Ильиничне Абрамовой-Разуваевой, погибшей вместе со своими детьми в Великую Отечественную войну».

Мимо легко, почти не касаясь земли, промчалась девушка. «Экая торопыга, ветер. Сколько раз она так-то пробегает по двору мимо Клавдии Ильиничны. Мимо Клавдии Ильиничны или мимо скульптуры?»

Сомнение породило вопрос. Клавдия Ильинична Разуваева, а вместе с ней все, кто погиб в Отечественную и возродился в граните, мраморе и бронзе, требовали немедленного ответа. И я пошел по цехам.

Люди работали. Напряженно, ритмично, споро. Накоротке отвечали на мои вопросы.

– Клавдия Ильинична Разуваева? С нашей фабрики, швея. Кончила еще до войны рабфак, поехала учиться в Москву. После института направили ее на работу в Воронеж. Женщина образованная, способная, стала она вскоре директором швейной фабрики. А тут война. Ушла в партизанский от-

ряд. Не последним человеком была в отраде. Выдал ее немцам предатель. Мучили фашисты. Детьми родными пытали. Обещали оставить их в живых, если она предаст партизан. Не предала. Расстреляли ее вместе с детьми.

– Разуваева работала у нас девчонкой. Тогда все учились, вот и она собралась и отправилась в Москву. В институт, говорят, какой-то поступила. Окончила его и уехала вместе с мужем в Керчь.

Кем она сначала работала, не знаю, потом-то – секретарем райкома

партии. Началась война. Она осталась в городе во главе подполья. Такого человека, как секретарь райкома, конечно, многие знают в лицо. Нашелся подлец, донес на нее. Немцы обещали ей и ее детям сохранить жизнь, если она предаст своих товарищей. Но она молчала. Фашисты, взбешенные ее упорством, расстреляли сначала детей, а потом и мать.

– Разуваева – наша, фабричная. Перед войной уехала на юг, то ли в Краснодар, то ли в Ставрополь. Там тоже работала швеей. Вышла замуж. Двое детей народилось. Как началась война, муж ушел на фронт. Осталась она с детьми одна. Эвакуироваться не успела: немцы заняли город. Разуваева стала помогать подпольщикам, связной у них была. Однажды немцы ее выследили и арестовали. Пытали. Грозили детей ее убить. И убили, потому что она ни в чем не призналась. А потом убили и ее. Женщина героическая, что и говорить. Памятник зря не поставят.

...И вот я опять иду к Клавдии Ильиничне Абрамовой-Разуаевой. Теперь я знаю, что ей сказать:

– На фабрике, где когда-то начиналась Ваша дорога в большую жизнь, Вас знают и помнят. Помнят сердцем. В памяти комсомольцев вы и швея, и директор фабрики, и секретарь райкома... Это не беда. Вас помнят не по должности. Говорят, что войну Вы встретили в Керчи, кажется, в Воронеже, вроде бы в Краснодаре. Простим девушкам неточность. Они точны в главном: войну Вы встретили на русской земле. Настоящим человеком.

Голос Левитана

Коктебель. Июльский день 1971 года. Три часа пополудни. Солнце палит изо всех сил, на пляже – самые стойкие, испытанные курортники. Остальные, вялые, иссушенные солнцем, сморенные сытным обедом, бредут к своим палаткам и корпусам.

По примеру благоразумного большинства плетусь домой. Там ждет меня модный нынче Михаил Булгаков. С моря доносится глухое бормотание прибоя. Коктебель погружается в послеобеденную дрему. И вдруг прямо в спину громкий голос резанул по ушам:

– Внимание, внимание! Я насторожился.

– Передаем важное сообщение.

Сердце сжалось, похолодело: говорил Левитан. Что случилось? Радость... или беда?

– Сегодня в девятнадцать часов по московскому времени...

Предательская дрожь пробежала по ногам. Левитан... Он объявил всему миру о полете Гагарина и... о гибели Комарова. Теплой майской ночью я услышал от него известие об окончании войны. Его голос принес в наш большой коммунальный двор горе. Помню: утро, с Белой по крутой горе поднимается женщина с бельем. Кто-то крикнул ей: «Немцы перешли границу. Война!» Ослабили руки женщины, таз на-

кренился, белой змеей поползла на землю простыня.

Темно и голо стало во дворе. Поговаривали, что фашистские самолеты добрались до самого Куйбышева. Не сегодня-завтра жди их в Уфе. По этому случаю ослепли дома: наши матери набросили на вечерние окна байковые одеяла.

Кто-то спилил на дрова скрипучие ворота, клены и столбы для качелей.

В большую столовую под рестораном «Уфа» пришли похожие друг на друга дети: на тонкой шее большая голова, под глазами синие тени. Они предъявляли талон на дополнительное питание. Им наливали горячую похлебку...

Отталкиваясь руками от земли, по городу перекатывался безногий человек. Вместо ног – доска на шариковых подшипниках.

Мимо меня пробежали две девушки. Они играли в догонялки и не обращали никакого внимания на Левитана.

– Сегодня в девятнадцать часов по московскому времени состоится морская прогулка по Коктебельскому заливу, – разносился по поселку голос экскурсовода-мистификатора.

Камень с сердца. Все в порядке. Можно пить «Черноморский рислинг», есть чебуреки, бездумно валяться на пляже, читать Булгакова.

...Находчивый парень, этот экскурсовод. Билеты на теплоход, пожалуй, разойдутся.

Хлеб пропал: запахло поркой...

В десятом классе шел урок истории. Учитель рассказывал об обороне Ленинграда.

– ...Рабочие получали по 250 граммов хлеба в сутки. Хлеб этот был замешан на клею. В него добавляли опилки.

Учитель говорил с трудом. Охрип, перешел на шепот. Его глаза блуждали по раскрытому классному журналу: старался скрыть волнение.

Откровенно, во весь класс, хмыкнул Николай.

– Хлеб с опилками? Чепуха! – пророкотал баском Виктор.

– Встать! – металлическим голосом прокричал побледневший учитель. Ребята испуганно переглянулись. Встали. Учитель истории отличался большой терпимостью. На его уроках можно было говорить о чем угодно, для него не существовало запретных тем. Что с ним стряслось?

– Война! Блокадный Ленинград, – заговорил учитель. – Город, в котором дети становились стариками в несколько дней. А вы...

Он пристально глянул в лица десятиклассников.

– Садитесь.

В классе повисла тягостная пауза.

– В Уфе, кстати, тоже было голодно. Ели отруби, жмых, на сухой сковороде поджаривали картофельную кожуру.

Учитель умолк. Задумался.

– Хлеб... Пожалуй, сегодня я расскажу вам одну грустную историю из далеких военных лет.

Жила-была в Уфе маленькая дружная семья: мать и двое сыновей. Мать работала в госпитале. Отец – на фронте. Старшему из братьев было двенадцать, младший учился в первом классе.

Пришла как-то мать с работы, усталая, злая – наши отступали. Полезла на полку: там хранился хлеб. Достала она тряпицу, развернула и ахнула: не хватает одного куска. Мать слыла женщиной крутой: отец бил ее чуть ли не с пеленок. Плетка у него даже была из сыромятины: поучал и жену, и детей. Выросла мать хорошим человеком. То ли в шутку, то ли всерьез любила повторять: «Спасибо папе, учил, не покладая рук». Детей своих мать не трогала. Случалось, стеганет иной раз сына под горячую руку – потом весь день ходит пасмурная, сердце ноет, готова прощенья просить у проказника. А здесь – хлеб пропал. Один, значит, за счет другого выжить хочет. Дело не в хлебе, в предательстве. «А ну, признавайтесь, кто украл хлеб?» – спрашивает мать у своих сыновей. Слово нарочно пожестче подобрала – не взял, а украл.

Запахло поркой. Поскучнели мальчишки. Старший насутился. Младший заревел. На всякий случай. Может быть, сжалится мать. А она сняла с вешалки белый прорезиненный пояс, в котором до войны бегала в парк на танцы, и началась экзекуция.

Прошла неделя, другая. В воскресенье мать устроила

в квартире генеральную уборку. Передвигала ящики, стол, комод.

Наигравшись во дворе, прибежали домой мальчишки. Распахнули дверь: на полу сидит мать и слезами умывается. Возле нее лежит черный в белых паутинках плесени кусок хлеба.

...Вот и все. Кажется, прозвенел звонок?

Ступайте на перемену.

Бандероль из ровеньков

Наше знакомство состоялось в столовой пансионата. По воле dietсестры мы оказались за одним столом. Инженер из Ворошиловграда (так мне его отрекомендовали) всегда опаздывал на обед.

За час до обеда он надевал спортивный шерстяной костюм и «в темпе» лез на высоченную крутую гору. Палило солнце, среди редкого, приземистого кустарника мелькала в руках Николая третья точка опоры – суковатая палка. Деревенели ноги, сердце подкатывалось к горлу, пот струился по лицу, спине, рукам. Мокрое тело обдавало волнами бродячего ветерка. Хорошо! Преодолеть гору, свою усталость, тягу к неподвижности.

На вершине он валился с ног, отдыхал, потом поднимался во весь рост. Далеко внизу синело море, застывшее, неподвижное. На середине горы, распарывающая зелень леса, торчала макушка мачты электропередачи. Выше было только одно небо.

...Николай усаживался за стол, когда его соседи приступали к компоту. Он вытирал о полу шерстяной куртки потное раскрасневшееся лицо и принимался за суп.

– Коль, опять в гору бегал? – с деланным участием

спрашивала его плотная, щедро обсыпанная веснушками женщина, с копной непослушных ржавых волос.

– Ох, и красотища там наверху! – захлебывался от восторга Николай.

– Умный в гору не пойдет, – успевала вставить молодая особа, странно белая среди людей, прокопченных кавказским солнцем. Она почитала за великий труд спуститься к морю и омочить в его воде свои полные ноги и потому смотрела на Николая с явным подтекстом: есть же психи. Неужели так все дни и пробегает?

От нашего пансионата до Сочи было далеко. Время проходило однообразно. Утром – ванны, днем – солнце, вечером – старые цветные киноленты. Николай угощал меня спелыми каштанами, я его – фантастикой Брэдбери. Мы пристально, во все глаза рассматривали на экране телевизора Горди Хоу и Бобби Халла, стонали от восхищения, когда хитроумный Валерий Харламов забрасывал шайбу в ворота канадцев, посмеивались над местным врачом, который с редкой щедростью прописывал всем без исключения скипидарные ванны, не без любопытства попиливали пепси-колу – ничего диковинного в ней не нашли, бродили по кипарисовым аллеям и набирались ума – в каждой аллее можно было обнаружить с полдюжины афоризмов на тему «Движение – жизнь, покой – смерть» и «В здоровом теле – здоровый дух».

Поддавшись авторитету древних и новейших мудрецов, мы добросовестно носились по терренкуру. У нас был отпуск, мы отдыхали и старались быть беззаботными. Впрочем, однажды я видел Николая взвинченным, злым: хозяйка, у которой он квартировал, выбросила в мусорный ящик хлеб. Мне было понятно негодование Николая – детство его совпало с войной (он с матерью и младшим братом жил тогда в Коми АССР).

Осеннее солнце рано скатывалось в море. Радиозузел сразу же

приступал к делу. На территории пансионата хрипела и грохотала нежнейшая мелодия из «Крестного отца», меланхоличный баян оглушительно «навевал» «Осенний сон», в сотый раз, как заклинание, «Самоцветы» твердили: «Не повторяется такое никогда...» У кассы в летний кинотеатр выстраивалась очередь. Около столовой на скамейках рассаживались мужчины в возрасте, закуривали, лениво заводили разговор, без начала и без конца. Непрошеным гостем приходили, обступали нас воспоминания о доме.

Николай жил и работал в Ровеньках, неподалеку от Краснодона, у него была живописнейшая украинская фамилия – Покиньюборода. При прощании мы условились никаких писем друг другу не писать. На всякий случай обменялись адресами: чего в жизни

не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.